

УДК 903.02(571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.31.44>

КЕРАМИКА В РИТУАЛЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. РАЗДОЛЬНОЙ)

© 2021 г. Я.Е. Пискарева

В статье рассматривается значение керамических сосудов в ритуале и повседневной жизни раннесредневекового населения юго-западного Приморья. Источниками работы являются материалы трехрядомрасположенных памятников: поселения Чернятино-2, городища Синельниково-1 и могильника Чернятино-5, датируемых позднемохэским и раннебохайским периодами (VII – IX вв. н.э.). Анализ керамических коллекций показал определенные предпочтения при подборе сосудов, помещавшихся в могилы. Сравнение с жилищными комплексами позволило выявить, что это были емкости небольшого объема, как правило кухонные, предназначенные для индивидуального использования. Также часть изделий изготавливалась специально для захоронения, о чем свидетельствует небрежность изготовления сосудов, несоблюдение пропорций. Автор приходит к выводу об особой роли керамики в ритуале. В то время как другие составляющие погребального обряда отличаются высокой степенью изменчивости, керамика остается постоянным компонентом в погребениях на всем протяжении существования могильника, что в свою очередь указывает на неизменные духовно-религиозные представления населения данного региона в меняющихся исторических условиях.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, мохэ, Бохай, ритуал, повседневность, керамика.

CERAMICS IN THE RITUAL AND EVERYDAY LIFE OF THE EARLY MEDIEVAL POPULATION OF PRIMORYE (BASED ON MATERIALS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE MIDDLE REACHES OF THE RAZDOLNAYA RIVER)

Ya. E. Piskareva

The paper analyzes the significance of ceramic vessels in the ritual and everyday life of the early medieval population of the south-western Primorye. The sources used in the work are materials from the following three nearby sites: Chernyatino-2 settlement, Sinelnikovo-1 ancient town and Chernyatino-5 burial ground dated the Late Mohe and Early Bohai periods (7th – 9th centuries AD). An analysis of ceramic collections revealed certain preferences in the selection of vessels placed in the graves. A comparison with residential complexes demonstrated that these were small containers, usually kitchenware, intended for individual use. Also, some of the items were made specifically for burial, as evidenced by carelessness in the making of the vessels, and disregard of proportions. The author comes to a conclusion about the special role of ceramics in the ritual. While other components of the burial ritual are highly variable, ceramic remains an essential component in burials throughout the entire period of the burial ground's operation, which in turn indicates the unchanging spiritual and religious beliefs of the population of this region in changing historical conditions.

Keywords: archaeology, early Middle Ages, Mohe, Bohai, ritual, everyday life, ceramics.

Введение. Материальные остатки, с которыми имеют дело археологи, формируются в различных контекстах повседневной жизни или ритуала и таким образом отражают их особенности. Вопросы соотношения ритуала и повседневности по материалам археологических памятников неоднократно изучались различными авторами. Часть исследований рассматривает ритуал как нечто особенное и отдельное от повседневной жизни. Акцент делается на определении его критериев в археологическом материале (Renfrew, 1994, p. 49; Renfrew, Bahn, 2000, p. 415–417).

В других подходах ритуал рассматривают как часть поведения человека. Ставится вопрос о том, что концепция ритуала является

продуктом постпросвещенческого рационализма и не обязательно применима к другим культурным или историческим контекстам, а логика действий и модель мира в прошлом сильно отличается от нашей (Briick, 1999). Исследуется не только роль «повседневных» предметов в духовной жизни, но также роль «особых» артефактов или мест в повседневной жизни. Такой подход в большей мере характерен для исторической археологии (Gazin-Schwartz, 2001; Manning C. 2014a,б). Основная идея заключается в том, что ритуал и повседневность как противоположные стороны континуума вместе составляют отношения людей с повседневным и потусторонним мирами.

Рис. 1. Карта Приморского края и памятников среднего течения р. Раздольная: поселение Чернятино-2, городище Синельниково-1 и могильник Чернятино-5

Fig. 1. Map of Primorsky Krai and the sites of the middle reaches of the Razdolnaya river: Chernyatino-2 settlement, Sineelnikovo-1 hillfort and Chernyatino-5 burial ground

В данной работе под ритуалом понимаются «определенные типы действий, служащие цели выражения веры или приверженности определенным символическим системам» (Douglas, 2002). В нашем исследовании мы намерены выяснить, как и какие сосуды фигурируют в ритуале и в повседневной жизни населения одной территории в эпоху раннего Средневековья. Ставятся следующие вопросы: есть ли отличия между сосудами из погребений и из поселенческих комплексов, в чем они проявляются, могли ли сосуды изготавливаться специально для захоронений или использовалась обычная повседневная посуда, и в конечном счете, какую роль играла керамика по сравнению с остальными составляющими погребального обряда.

Источники. Источниками работы стали материалы трех памятников: могильника Чернятино-5, поселения Чернятино-2 и городища Синельниково-1 (рис. 1). Все они многослойные, но основная часть культурных отложений относится к раннему Средневековью – мохэской археологической культуре (VI–VII вв.) и культуре государства Бохай (к. VII–X вв.). На сегодняшний день очевидно, что все три памятника в период раннего Средневековья сосуществовали.

Коллекция керамики городища Синельниково-1 состоит из 146 сосудов, обнаруженных в заполнении различных объектов (жилищ, ям, колодца). Большая часть из них археологически целые. Большинство жилищ на городище сгорели и впоследствии были забутованы

ны мелким гравием (Пискарева и др., 2018, с. 155). Исследованиями установлено, что эти жилища могут рассматриваться как один строительный горизонт. Жилище 1 раскопа 2 было построено поверх забутованных жилищ и, таким образом, представляет иной строительный горизонт. Анализ материала показал, что эти горизонты разделяет небольшой отрезок времени и население на памятнике качественно не менялось. Судя по материалу и результатам радиоуглеродного датирования, городище функционировало с VII в. и в ранний период государства Бохай (VIII вв.) (Клюев и др., 2018, с. 350; Болдин, 2001, с. 130). Однако изучена очень небольшая часть памятника и дополнительные исследования могут изменить ситуацию.

Коллекция могильника Чернятино-5 состоит из 154 преимущественно археологически целых сосудов из 128 погребений¹. Количество сосудов в погребениях разное, от одного до четырех. Анализ стратиграфической ситуации памятника, а также радиоуглеродное датирование показали, что период существования могильника включает позднемохэское время, ранний и средний этапы Бохая (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 246). Выстроенная предварительная хронологическая схема распределения погребений на горизонтах (Гельман, Никитин, 2002, с. 205). К последнему этапу относятся каменные склепы – могилы № 71, № 46, а также погребение № 50 «без базового сооружения». Наиболее надежные радиоуглеродные даты, а также OSL даты и датированное зерно охватывают диапазон с конца VI–VII вв. и до VIII–IX в. (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 246). Выделяются несколько типов погребений, причем разные типы занимают разные участки памятника. Пока нет однозначного объяснения данному факту – это может быть связано как с хронологией погребений, так и со статусом погребенных (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 243).

Коллекция мохэской керамики поселения Чернятино-2 менее представительна: в основном это сосуды, сохранившиеся частично. Насчитывается 72 сосуда (за несколько лет исследований), реконструированных хотя бы на треть. Вся керамика найдена в разрушенных объектах – котлованах, мусорных ямах, остатках жилищ, или в культурном слое памятника. Выделение на этом многослойном памятнике слоя мохэской культуры было изначально затруднено, поскольку «на сегодняшнем уровне изученности этого памятника выделение обусловлено невозможностью

определения четких критериев разделения раннебохайского и мохэского периодов существования поселения» (Никитин и др., 2002, с. 215). В дальнейшем, в ходе работ 2007–2008 гг., по мнению исследователей, не зафиксированы объекты, содержавшие только мохэский материал, а остатки различных сооружений (в основном зольники и мусорные ямы) включают мохэский (мальгальский материал) и станковые сосуды когуреского происхождения² (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008, с. 309). Однако из материалов отчетов видно, что часть объектов не содержит керамики, изготовленной на круге быстрого вращения: к ним относятся яма № 18, остатки жилища № 6 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2007 г.).

Таким образом, эти три памятника не только сосуществовали, но и являются, по сути, единой структурой: на поселении проживало население, занимавшееся сельским хозяйством, городище было своего рода военным гарнизоном, в котором проживали воины, охранявшие поселение (Пискарева и др., 2018, с. 155), а могильник был местом погребения и отправления соответствующих ритуалов.

Методы исследования. При работе с керамикой применялся типологический метод. При этом, исходя из наших задач, мы стремились создать естественную классификацию, основанную на идее о том, что сосуды могут быть объединены в типы согласно тем стандартам, целям и запросам, на основании которых они были сделаны раннесредневековыми гончарами.

В материалах всех трех памятников выделяются две категории сосудов: лепные емкости и круговые. Сосуды каждой из категорий формовались кольцевым налепом лентами шириной лент 3–5 см. Круговые сосуды аналогично собирались на круге, емкости, вытянутые из одного куска глины, не встречаются на раннесредневековых памятниках Приморья. Среди круговых выделяются две группы: это сосуды, изготовленные на круге медленного вращения, и емкости, изготовленные на круге с быстрым вращением. Сосуды, изготовленные на быстром круге, характерны бохайской культуре.

Классификация форм сосудов позволила выявить 10 типов лепных емкостей, 4 типа сосудов, изготовленных на круге с медленным вращением, и 5 типов сосудов, изготовленных на круге с быстрым вращением. Следует отметить, что форма лепных сосудов и изготовленных на медленном круге очень похожа, что можно объяснить процессом освоения

гончарного круга. Выделены типы сосудов, встречающихся на каждом из трех памятников (назовем их основными), а также типы сосудов (назовем их специфичными), встречавшихся только на могильнике или только на поселении и городище.

Дальнейшее исследование было сфокусировано на двух аспектах: во-первых, выявление особенностей среди основных типов сосудов, характерных для повседневности (поселение и городище) и ритуала (могильник), во-вторых, выделение специфичных сосудов и объяснение их присутствия. Учитывались такие показатели, как форма сосуда и способ его изготовления, размеры, орнаментация и степень сохранности, наличие пищевого нагара.

Лепные сосуды. Лепные сосуды, найденные на всех трех памятниках, изготовлены кольцевым ленточным налепом. Иногда такие емкости несимметричны, скошены на один бок. Подобные изделия составляют всего около 14% от общего количества лепных сосудов, но из этой доли большая часть (85%) – это сосуды, найденные в погребениях. Что касается степени сохранности изделий, то в основном она зависела от того объекта, в котором найден сосуд – лучше сохранились сосуды из жилищ городища и из погребений. В материалах могильника среди лепных сосудов около 12% составляют емкости с пробитым отверстием на дне или стенке. Кроме того, иногда в могилы могли положить только часть сосуда, в некоторых случаях это половинки сосудов, разделенных вдоль (погребения № 66, 133, 145). Подобные случаи наблюдались в материалах Корсаковского могильника в Приамурье (Нестеров, 2001, с. 430).

Наиболее распространенным типом на всех трех памятниках были *горшковидные сосуды с вытянутым туловом, широким дном и широкой невысокой горловиной* (рис. 2: 1–4). Это тип посуды с широким размерным рядом, включающим емкости объемом от 0,3 до 11 л. Значительную часть – 45% – составляют изделия объемом до 1 л, причем 75% из них найдены в погребениях. Изделия такого небольшого объема можно рассматривать скорее как индивидуальную посуду, рассчитанную на использование в качестве кухонной или столовой одним человеком.

Около 40% сосудов этого типа имеют пищевой нагар на внутренней поверхности, что наиболее надежно, на наш взгляд, позволяет идентифицировать их как кухонную посуду, еще около 15% имеют нагар снаружи. Реже

всего нагар встречается у крупных емкостей объемом более 3 л. Например, нагара не было у *горшковидных слабопрофилированных сосудов с широкой горловиной и очень узким дном* – дно уже диаметра тулова не менее чем в три раза (Клюев и др., 2018, рис. 3: 15). Сосуды этого типа найдены в жилищах Синельниковского городища, близкие по форме емкости, но с более раздутым в районе плечиков туловом, присутствовали в ранних погребениях могильника Чернятино-5 (Никитин, Гельман, 2002, с. 206). Внутри таких сосудов с погребения в трех случаях находились емкости меньших размеров.

В целом нагар на горшковидных сосудах из погребений присутствует так же, как и на емкостях с городища и поселения.

Следующий по распространенности тип – *вазовидные сосуды с зауженной высокой горловиной и вытянутым туловом* (рис. 2: 5–9). К нему относятся как миниатюрные сосуды объемом 0,06 л, так и довольно крупные емкости 2,5–3,9 л. Большинство (62%) составляют сосуды объемом до 1 л. Из них 75% найдены в погребениях. Нагар на внутренней поверхности присутствует у 40% изделий. Сосуды этого типа в равной мере встречаются на всех трех памятниках. Также можно отметить наличие немногочисленных *бутылевидных сосудов* с очень узким вытянутым туловом (5 экземпляров). Найдены как в погребениях могильника, так и в материалах городища и поселения. Объем большинства емкостей до 1 л.

Банковидные сосуды (рис. 2: 10–14) также встречаются на каждом из трех памятников, но более 80% емкостей этого типа найдено в погребениях. Основное отличие сосудов этого типа – отсутствие выраженной горловины, у них цилиндрическое или слегка сужающееся к широкому дну тулово. Объем банок, как правило, не превышает 1 л.

На городище подобные сосуды встречались значительно реже. Выделяется отдельный подтип таких емкостей, отличающихся не только формой тулова, но и специфической конструкцией венечной части. У таких изделий нет налепного валика, край венчика отогнут наружу (рис. 2: 12). Подобная посуда есть в материалах многих бохайских памятников: селища Константиновского, Краскинского городища и др., встречается она и на поселении Чернятино-2 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 112, 110), только один похожий сосуд найден в жилище 2 раскопа 2 (Клюев и др., 2018, с. 232). Очевидно, что эти и подобные

Рис. 2. Лепные сосуды: 1–4 – горшковидные сосуды (1 – могильник Чернятино-5; 2, 3 – городище Синельниково-1; 4 – поселение Чернятино-2); 5–9 – вазовидные сосуды (5 – могильник Чернятино-5; 6, 7 – городище Синельниково-1; 8, 9 – поселение Чернятино-2); 10–14 – банковидные сосуды (10–11 – могильник Чернятино-5; 12, 13 – городище Синельниково-1; 14 – поселение Чернятино-2). По: Никитин и др., 2008; Никитин и др., 2007; Клюев и др., 2018; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009.

Fig. 2. Modeling vessels: 1–4 – pot-shaped vessels (1 – Chernyatino-5 burial ground; 2, 3 – Sinelnikovo-1 hillfort; 4 – Chernyatino-2 settlement); 5–9 – vase-like vessels (5 – Chernyatino-5 burial ground; 6, 7 – Sinelnikovo-1 hillfort; 8, 9 – Chernyatino-2 settlement); 10–14 – jar-shaped vessels (10–11 – Chernyatino-5 burial ground; 12, 13 – Sinelnikovo-1 hillfort; 14 – Chernyatino-2 settlement). After: Nikitin et al., 2008; Nikitin et al., 2007; Klyuev et al., 2018; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2008; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2009.

им емкости маркируют определенный период. Они не встречаются на ранних мохэских памятниках, их появление приходится на позднемохэское или раннебохайское время.

Особый интерес представляют два сосуда, найденные в могиле 153 – край венчика у этих емкостей отогнут наружу и украшен глубокими ногтевыми оттисками (рис. 2: 10). Других подобных сосудов на могильнике найдено не было, похожие емкости обнаружены только при раскопках на поселении Чернятино-2 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 91). Следует отметить, что могила 153 выделяется не только специфической керамикой, но также конструкцией и инвентарем. Здесь были обнаружены остатки двух гробов на галечной выкладке, сруб по периметру могилы, под сосудами найдены бронзовые колокольчики, бубенчик и бронзовая фигурка всадника. Кроме лепной керамики присутствовал горшковидный сосуд со следами изготовления на вращающемся устройстве, украшенный волнистой прочерченной линией по горловине и прочерченной стрелкой (Никитин и др., 2007, с. 217–229).

Сосуды с шаровидным туловом и узкой горловиной (рис. 3: 1–4) в основном обнаружены на поселении и городище, но присутствуют и в погребениях. Изделия этого типа могли быть разных объемов: от 1 л до 11 л. Вероятно, вне зависимости от размеров основная функция таких изделий – хранение жидкостей, на что указывает и отсутствие пищевого нагара. Аналогичные сосуды мы находим на мохэских памятниках, чьи материалы и результаты радиоуглеродного анализа позволяют отнести их не ранее чем ко второй половине VII в. н. э., таких как Раковка-10, Михайловка-3 (Пискарева, 2014, с. 90).

Сосуды с раздутым туловом, узкой горловиной и узким дном (рис. 3: 5–7) представлены емкостями в диапазоне от 0,7 до 31 л, преимущественно это сосуды более 3 л. В жилище 4 раскопа 2 городища Синельниково-1 обнаружена самая крупная емкость такого типа, ее объем составляет 31 л. Высота изделия 45 см, диаметр тулова 45 см, дно почти в 5 раз уже тулова. Только один такой сосуд небольшого размера (1,3 л) был найден в погребении № 120 (рис. 3: 5), и он же единственный, у которого есть нагар. Сферой применения этих сосудов также, вероятно, являлось хранение жидкостей.

Сосуды с шаровидным и раздутым туловом могли быть взаимозаменяемы в одном размере. В большинстве жилищ Синельни-

ковского городища найдены 1–2 таких изделия. Верхняя часть емкости с раздутым или шаровидным туловом, украшенным по плечикам горизонтальными и волнистыми прочерченными линиями, найдена в котловане № 8 на поселении Чернятино-2 (Никитин и др., 2009, с. 91). Учитывая диаметр венчика и тулова, объем такого сосуда был около 10 л. В материалах погребений найдены фрагменты от семи подобных емкостей, еще две, шаровидные, объемом 1,5 и 1,6 л сохранились целиком.

В двух погребениях могильника Чернятино-5 (м. 132, 82), а также в жилищах Синельниково-1 встречаются *сосуды с яйцевидным туловом* (рис. 3: 8–9). Это довольно крупные емкости: объем сосуда из жилища 7 (раскоп 1) городища Синельниково-1 составляет более 9 л, близок по форме сосуд из жилища 6, объемом 8,6 л, объем двух сосудов, найденных в погребениях могильника Чернятино-5, – более 10 л.

К специфичным типам, характерным не для всех памятников, относятся *чаши* (рис. 4: 1–4) и *сосуды с вырезом* (рис. 4: 5–6). Эти емкости отсутствуют в материалах могильника, тогда как на поселении и городище они встречаются довольно часто. Также есть редкие типы, не относящиеся ни к одному из выделенных типов и существующие в одном экземпляре: все они происходят из материалов могильника и отличаются нарушением пропорций, что не позволяет отнести их ни к одному из типов (рис. 4: 7–9). Например, приземистый сосуд из погребения № 86 с высокой горловиной и приплюснутым округлым туловом или широкий банковидный сосуд из погребения № 161, ассиметричный сосуд с коротким округлым туловом и высокой широкой горловиной из погребения № 95. Все эти изделия изготовлены очень небрежно, грубо. У них бугристая, незаглаженная или плохо заглаженная поверхность, неравномерная толщина стенок и нет нагара.

Сосуды, изготовленные на круге с медленным вращением. Посуда этой категории встречается на всех трех памятниках, но есть различия в присутствии конкретных типов такой посуды на каждом из них. *Сосуды с узкой горловиной и шаровидным туловом и амфоровидные сосуды с «раздутым» туловом, сужающимся ко дну* (рис. 5: 1–2), отличаются еще и тем, что у них отсутствует валик под венчиком, а край венчика плавно отогнут. На поселении Чернятино-2 фрагменты подобных сосудов найдены в котловане 3, яме 18

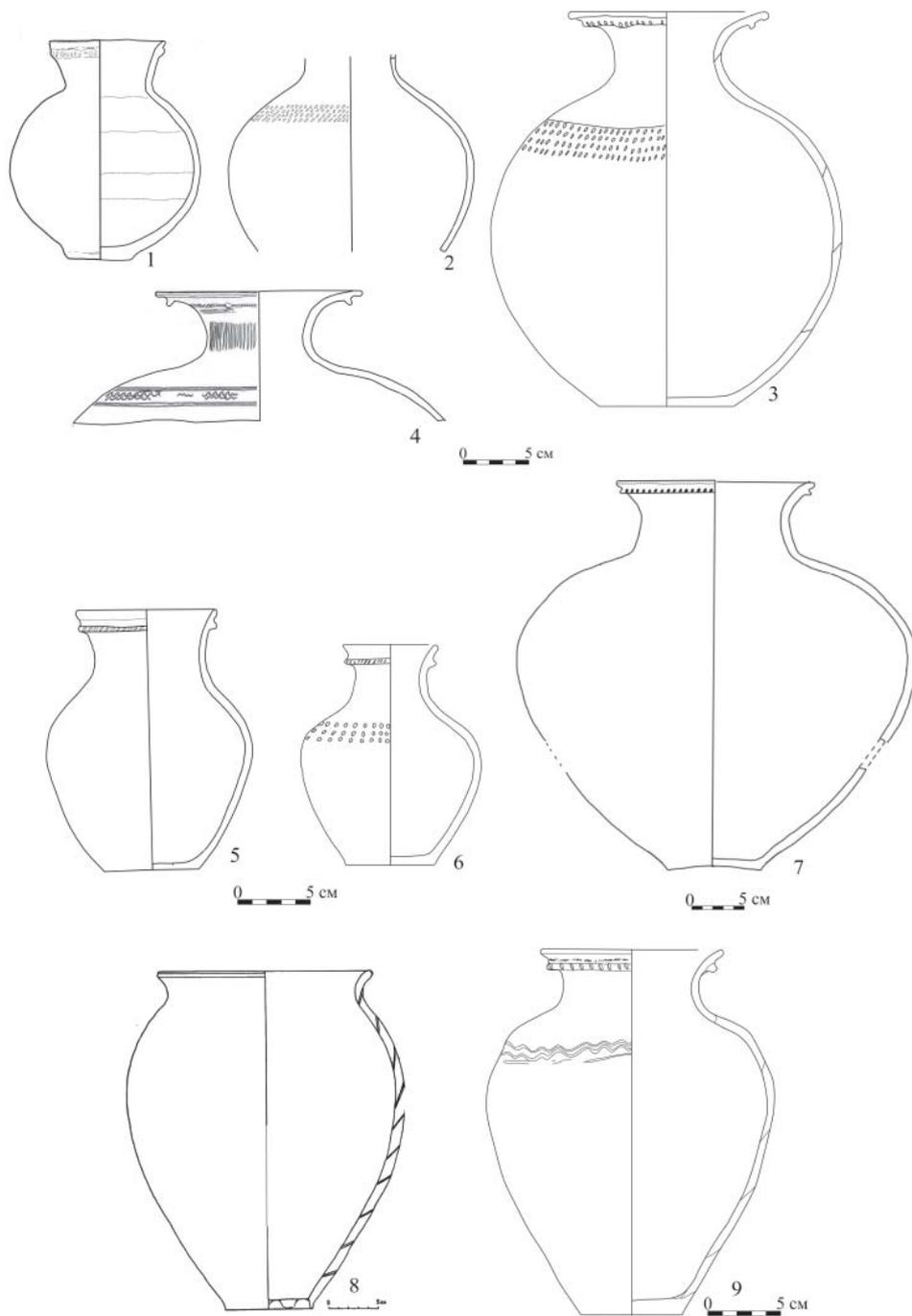

Рис. 3. Лепные сосуды: 1–4 – емкости с шаровидным туловом (1, 2 – могильник Чернятино-5; 3 – городище Синельниково-1; 4 – поселение Чернятино-2); 5–7 – емкости с раздутым туловом (5, 6 – могильник Чернятино-5; 7 – городище Синельниково-1); 8–9 – сосуды с яйцевидным туловом (8 – могильник Чернятино-5; 9 – городище Синельниково-1). По: Никитин и др., 2008; Никитин и др., 2007; Клюев и др., 2018; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009. Никитин, Гельман, 2002.

Fig. 3. Molded vessels: 1–4 – vessels with a spherical body (1, 2 – Chernyatino-5 burial ground; 3 – Sinelnikovo-1 hillfort; 4 – Chernyatino-2 settlement); 5–7 – vessels with a bloated body (5, 6 – Chernyatino-5 burial ground; 7 – Sinelnikovo-1 hillfort); 8–9 – vessels with an ovoid body (8 – Chernyatino-5 burial ground; 9 – Sinelnikovo-1 hillfort). After: Nikitin et al., 2008; Nikitin et al., 2007; Klyuev et al., 2018; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2008; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2009. Nikitin, Gelman, 2002.

(Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008, с. 132, 157), в 4 пласте раскопа 4 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 192–193). Подобные сосуды присутствуют в четырех погребениях могильника Чернятино-5. Девять таких изделий найдено на Синельниковском городище.

Горшковидные и банковидные сосуды (рис. 5: 3–5), сделанные на круге медленного вращения, в единичных количествах обнаружены на городище, но на поселении и могильнике они встречаются достаточно часто. На поселении они найдены в верхней части

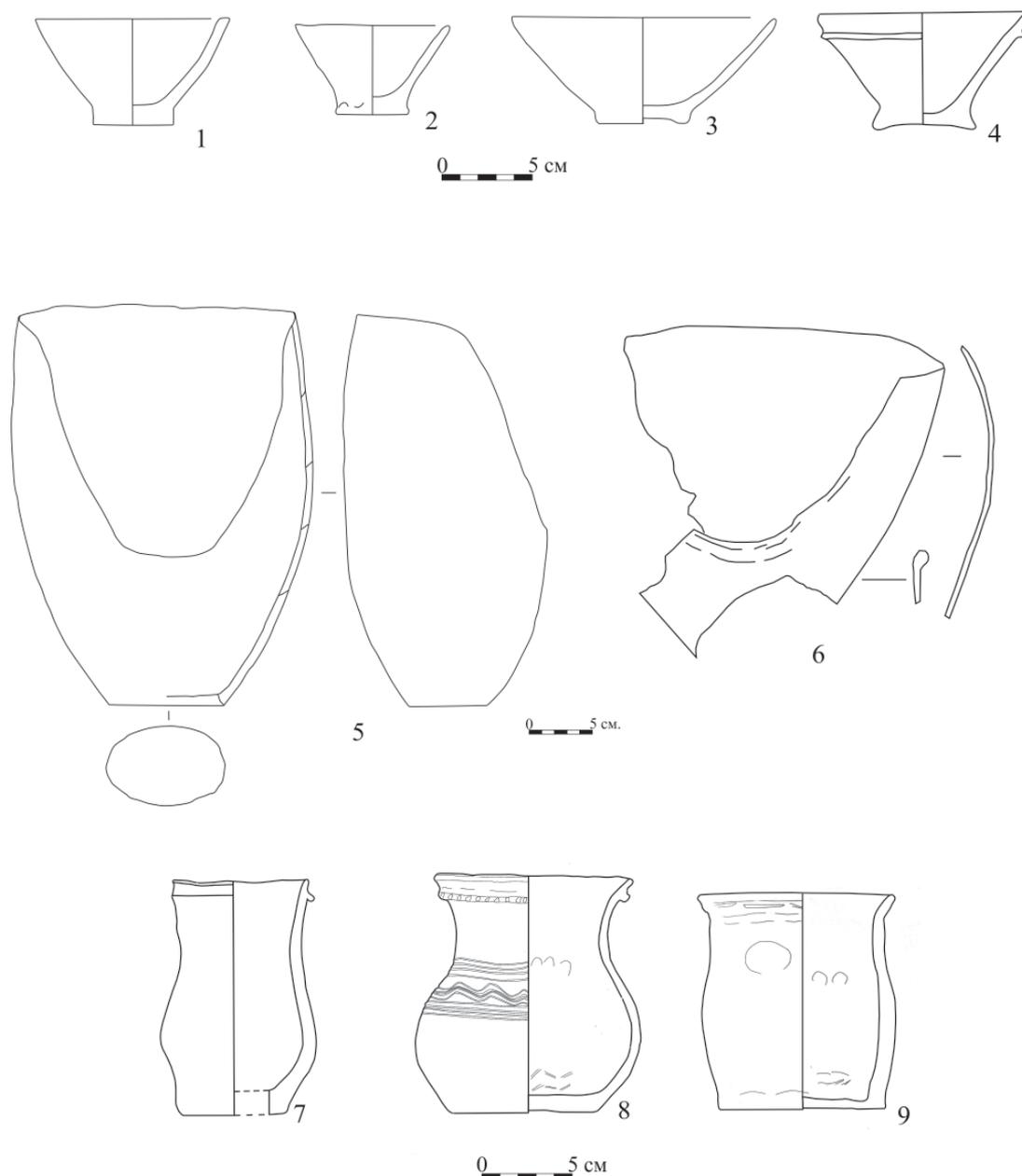

Рис. 4. Лепные сосуды: 1–4 – чаши (городище Синельниково-1); 5, 6 – сосуды с вырезом (5 – городище Синельниково-1; 6 – поселение Чернятино-2); 7–9 – специфичные сосуды могильника Чернятино-5. По: Клюев и др., 2018; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Никитин и др., 2007.

Fig. 4. Molded vessels: 1–4 – bowls (Sinelnikovo-1 hillfort); 5, 6 – vessels with a cutout (5 – Sinelnikovo hillfort-1; 6 – Chernyatino-2 settlement); 7–9 – specific vessels from Chernyatino-5 burial ground. After: Klyuev et al., 2018; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2008; Nikitin et al., 2007.

культурных отложений, в заполнении объекта 12 (котлован, использовавшийся в качестве мусорной ямы). На могильнике такие изделия присутствуют как в грунтовых погребениях, так и в могилах на каменных выкладках и в склепах. По форме тулова они аналогичны лепным емкостям этого же типа. По способу оформления венчика выделяются три подтипа таких сосудов:

1) венчик просто отгибался наружу;

2) венчик оформлялся наклепным валиком, сформированным из отдельного жгута или из края перегнутой венечной ленты. Неко-

торые валики орнаментированы отпечатками или насечками. Сосуды и первого, и второго подтипа встречаются на всех трех памятниках;

3) венчик отгибался наружу, и по его краю проводилась горизонтальная линия. Такие изделия пока не найдены в жилищах городища Синельниково-1.

Сосуды, изготовленные на круге с быстрым вращением.

Выделяется несколько типов сосудов, изготовленных на быстром круге: корчаги, горшки, вазовидные сосуды трех типов (рис. 5:

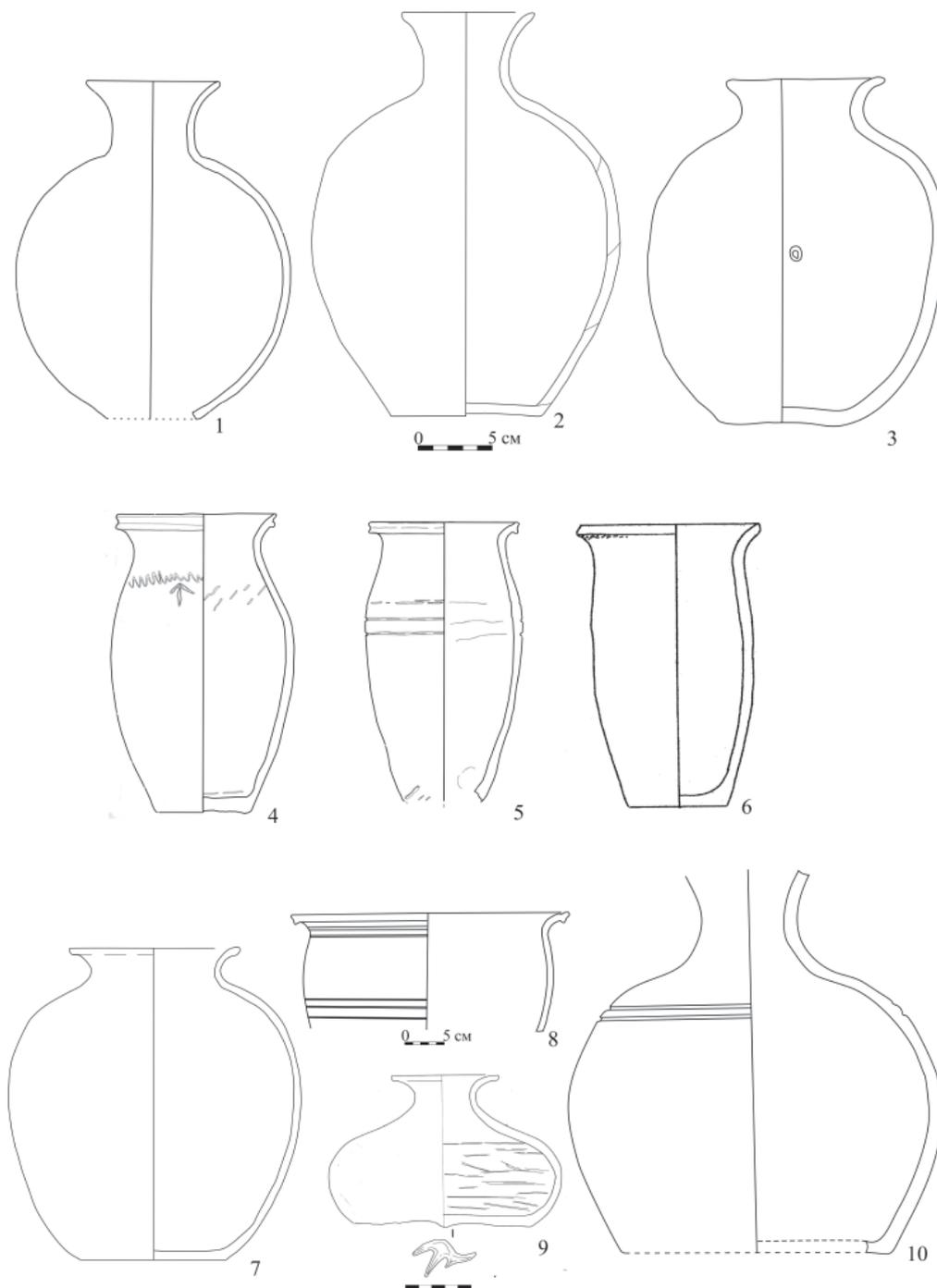

Рис. 5. Круговые сосуды: 1–5 – сосуды, изготовленные на круге с медленным вращением (1, 5 – поселение Чернятино-2; 2 – городище Синельниково-1; 3, 4, 6 – могильник Чернятино-5); 7–10 – сосуды, изготовленные на круге с быстрым вращением (7 – городище Синельниково-1; 8 – поселение Чернятино-2); 9, 10 – могильник Чернятино-5). По: Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009; Ключев и др., 2018; Никитин и др., 2005. Никитин и др., 2007.

Fig. 5. Circular vessels: 1–5 – vessels made on a slowly rotated wheel (1, 5 – Chernyatino-2 settlement; 2 – Sinelnikovo-1 hillfort, 3, 4, 6 – Chernyatino-5 burial ground); 7–10 – vessels made on a rapidly rotated wheel (7 – Sinelnikovo-1 hillfort; 8 – Chernyatino-2 settlement; 9, 10 – Chernyatino-5 burial ground). After: Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2009; Klyuev et al., 2018; Nikitin et al., 2005. Nikitin et al., 2007.

6–8). Все эти емкости находят аналогии на бохайских памятниках Приморья (Краскинском городище, Старореченском и др.). На городище Синельниково-1 большинство таких сосудов находились в верхней части культурного слоя и не имели отношения к жилищам. Исключения составляют жилище 2, иссле-

довавшееся в 1999 г., содержавшее обломки круговых сосудов (Болдин, 2001), водосборный колодец (2015 г.), в котором обнаружены фрагменты нескольких круговых емкостей, в том числе крупного цилиндрического сосуда с отверстиями в стенках, и жилище 1 (раскоп 2) верхнего горизонта, в котором также найдены

фрагменты одного кругового сосуда (рис. 5: 6). Подобные емкости присутствуют также на поселении и в погребениях. Они найдены как в слое, так и в объектах, но их ассортимент шире по сравнению с керамикой с городища. Этот факт объясняется, скорее всего, тем, что на городище еще в достаточной степени не исследованы соответствующие по хронологии участки. Из 157 могил могильника Чернятино-5 30 содержали круговую бохайскую керамику: в шести погребениях была только бохайская, в 24 она присутствовала вместе с лепной и круговой группы Б. Преимущественно это фрагментированные сосуды, иногда только обломки стенок, изделия хорошей сохранности встречаются нечасто. При этом нет «убитых» изделий с пробитым отверстием, как это было характерно для лепных емкостей и круговых группы Б: у бохайских сосудов повреждения присутствуют, как правило, на венечной части – в виде отбитого края венчика (рис. 5: 8). На нескольких сосудах есть тамгообразные знаки и иероглифы.

Обсуждение результатов. Анализ керамики поселения Чернятино-2, городища Синельниково-1 и могильника Чернятино-5 показал, что сосуды, сопровождавшие погребение, имеют свои особенности по сравнению с сосудами, использовавшимися в повседневности на поселении и городище.

Небольшая часть керамики могла изготавливаться специально для погребений. Наиболее яркие свидетельства – это сосуды, сделанные очень грубо, как бы «на скорую руку» – у них не заглажены стыки лент, плохо обработана поверхность, и, кроме того, на них нет пищевого нагара, который мог бы указывать на предварительное использование их в качестве кухонной посуды. Кроме того, что эти изделия изготовлены небрежно, у них нарушены привычные «мохэские» пропорции и их невозможно отнести к какому-либо из выделенных типов сосудов, т. е. они существуют в одном экземпляре. Можно говорить по крайней мере о пяти таких емкостях. Могилы, в которых были найдены такие сосуды, оказалось невозможно объединить по какому-либо дополнительному признаку. Это и погребения в ямах и на каменной выкладке, и содержащие человеческие останки и без них.

Сравнивая объемы сосудов, необходимо обратить внимание на такой факт: исследования жилищ городища Синельниково-1 показали, что они были рассчитаны на проживание 1–2 человек. На это указывает не только маленькая площадь помещений

5,5–11 м² (Клюев и др., 2018), но и ассортимент посуды в жилищах. Как правило, это набор столовой, кухонной и тарной посуды, который мог удовлетворять потребности не более 1–2 чел. (Пискарева и др., 2018, с. 155). Например, в жилище № 1 размером 2,8×2,7 м (раскоп 1): 1 шаровидный сосуд (V – 8,5 л), 2 горшковидных (V – 2,7–2,9 л), 1 вазовидный (V – 2,5 л) и чаша (V – 0,28 л). В некоторых постройках отсутствовали чаши, но были сосуды маленького объема, например, в жилище 3 (раскоп 3) – миниатюрный сосуд объемом 0,06 л и банковидный сосуд объемом 0,4 л.

Количество сосудов в могилах – от одного до трех, редко встречается четыре (могилы № 95, 153, 159). Что касается ассортимента посуды, то здесь следует отметить следующее:

– судя по материалам могильника, в погребениях преобладает кухонная посуда, представленная горшковидными, банковидными и вазовидными емкостями (лепными и изготовленными на медленном круге). При этом предпочтение отдавалось сосудам с небольшим объемом. Четко прослеживается значительное преобладание горшковидных емкостей объемом не более 1,2 л, вазовидных сосудов – не более 1 л, объем банковидных сосудов также обычно составляет около 1 л, и эта тенденция сохраняется для остальных форм. Таким образом, это посуда, предназначенная для приготовления пищи, но в небольшом количестве – на одного человека. Меньший размер сосудов в погребениях по сравнению с жилищными комплексами отмечается и для памятников государства Когуре в III–VII вв. н. э. (Сынми Ли, Стоякин, 2019, с. 88);

– тарные сосуды, как лепные, так и изготовленные на медленном круге (шаровидные, емкости с раздутым туловом), встречаются лишь в 7% погребений и, как правило, фрагментированные;

– в погребениях могильника не встречаются два типа сосудов, характерных для поселения и городища: это чаши и емкости с вырезом. Если отсутствие емкостей с вырезом понятно – это технические сосуды для сортировки и переборки семян (Пискарева, 2017), то отсутствие чаш, вероятно, связано именно с ритуалом, не предполагающим наличие столовой посуды, а лишь посуды для приготовления пищи.

Следует отметить, что чаш также нет и в других приморских раннесредневековых могильниках: Лузановском, Монастырка-3,

тогда как в приамурских они присутствуют: например, в Найфельде (Деревянко и др., 1999, с. 26, 57), Троицком, Корсаковском (Нестеров, 2001, с. 431).

Традиция «порчи» сосудов, широко распространенная в дальневосточном Средневековье, прослеживается и по материалам могильника Чернятино-5. При этом отверстия в днищах или стенках присутствуют только у лепной керамики и изготовленной на медленном круге. Круговая бохайская керамика не повреждалась таким образом. Однако целые бохайские сосуды встречаются в погребениях крайне редко, как правило, эта категория судов представлена фрагментами емкостей – в основном крупных толстостенных тарных сосудов без нагара или горловин вазовидных изделий. В могилах № 105 и 49 обнаружены почти целые сосуды с отбитым и окатанным краем венчика. Вероятно, сосуды использовались и после того, как венчик отбил. Еще одно наблюдение касается тамгообразных и иероглифических знаков – они встречаются только на круговых емкостях. Появление бохайской керамики, видимо, отражает исторический фон, а именно процесс вхождения территории юго-западного Приморья (области Шуайбинь) в состав государства Бохай. При этом местное население сохраняло свои духовно-религиозные традиции.

Заключение. Безусловно, для того чтобы полнее проиллюстрировать ритуал и повседневность по археологическим материалам можно и нужно привлекать все категории артефактов. Но различные изделия из камня и металла, которые археологи находят в раннесредневековых погребениях Приморья (бусы, нефритовые диски, бронзовые фигурки всадников, бубенчики и колокольчики и проч.), скорее относятся к категории семейных

реликвий и, возможно, указывают на принадлежность к конкретному роду, семье. Такие предметы люди берегут, стараются не терять и не оставлять. И в силу этих причин подобные артефакты в поселенческих комплексах встречаются редко (за исключением некоторых предметов вооружения, находившихся в постоянном обиходе, таких как наконечники стрел или ножи). Помещение керамики в погребение, как нам кажется, в большей степени связано с другой идеей. Вероятнее всего, это сопровождение покойного в его последнем пути. Представления о переходе из мира живых в мир мертвых как о пути, дороге, характерны для многих дальневосточных народов, в основе этногенеза которых есть тунгусский компонент (Березницкий, 2000). В могилы помещали как сосуды, использовавшиеся в повседневной жизни (о чем свидетельствует наличие пищевого нагара на части изделий), так и специально изготовленные для ритуала, при этом небольшой их объем указывает на то, что это емкости, рассчитанные на одного человека. Следует отметить, что такие составляющие погребального обряда, как конструкция могилы, способ погребения, ассортимент изделий из камня и металла в могилах, отличаются высокой степенью изменчивости, что, вероятно, в большей степени связано с личностью покойного и обстоятельствами его смерти. При этом все могилы содержат керамические сосуды. Таким образом, керамика остается главной константой на протяжении всего существования некрополя и обладает рядом признаков, указывающих на ее особый символизм и, вероятно, несмотря на различные исторические события, на неизменные духовно-религиозные представления населения в позднемохэский и раннебохайский периоды.

Примечание:

¹ Всего на памятнике с 1997 по 2007 исследовано 157 могил. Но часть могил не содержала находок, или керамика из них была очень фрагментирована.

² Авторы не поясняют, что они имеют ввиду под этим термином.

ЛИТЕРАТУРА

Березницкий С.В. Погребальные обряды коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. К проблеме этнокультурных контактов и этнической истории // Россия и АТР, 2000, №1. С.109-117

Болдин В.И. Городище Синельниково-1 – раннесредневековый памятник Приморья // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. Вып.3. С. 122–130.

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. 93 с.

Клюев Н.А., Джи Бён Мок, Ли Санджун, Болдин В.И., Гельман Е.И., Ю Ын Сик, Чхве Инха, Гридасова И.В., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю., Юн Хён Чжун, Нам Хо Хён, Ким Донхун, Чон Юнхи, Стоякин М.А. Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: Институт истории, археологии и этногра-

фии народов Дальнего Востока; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2018. 388 с.

Нестеров С.П. Об использовании керамической посуды в погребальном обряде амурских чжурчженей и тройкой группы мохэ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск, 2001. С.428-434

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 195—214.

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., Болдин В.И. Результаты исследований поселения Чернятино-2 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 213–227.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, Пискарева Я.Е. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 году. ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский национальный университет культурного наследия, 2007. 400 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2003-2004 годах. Пу Е: Корейский национальный университет культурного наследия, 2005. 185 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 году. ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский национальный университет культурного наследия, 2008. 350 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2008 году. – ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский национальный университет культурного наследия, 2009. 248 с.

Пискарева Я.Е. К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии – Владивосток, 2014. С. 80–91.

Пискарева Я.Е. Уникальные сосуды с раннесредневековых памятников Дальнего Востока // Россия и АТР. 2017. №4. С.171–185.

Пискарева Я.Е., Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Клюев Н.А., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю. Культурно-хронологические комплексы городища Синельниково-1 в Приморье в свете новейших исследований // Россия и АТР. 2018. №4. С. 138–160.

Сынми Ли, Стоякин М.А. Погребальный и социальный аспекты керамики в Когурё // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 87–98.

Чжун Сук-Бэ, Никитин Ю.Г. Могильник Чернятино-5, его могилы и находки // Столетие великого АПЭ (к юбилею Алексея Павловича Окладникова). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. С. 227-265

Briick J. Ritual and rationality: some problems of interpretation in European Archeology // European Journal of Archaeology, 1999, № 2. P.313-344

Douglas M. Natural symbols. Explorations in cosmology. London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2002. p.183

Gazin-Schwartz A. Archaeology and Folklore of Material Culture, Ritual, and Everyday Life // International Journal of Historical Archaeology, Vol. 5, No. 4, December 2001. P.263-280

Manning C. M. Magic, Religion, and Ritual in Historical Archaeology // Historical Archaeology. 2014 a. 48(3). P.1–9.

Manning C. M. The Material Culture of Ritual Concealments in the United States // Historical Archaeology, 2014 б, 48(3). P. 52–83.

Renfrew C. The archaeology of religion // Renfrew, C., and Zubrow, E. (eds.), The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology, 1994, Cambridge University Press, Cambridge. P. 47–54.

Renfrew C., Bahn P. Archaeology: Theories, Methods and Practice, 3rd edn., Thames and Hudson, London, 2000. P.672.

Информация об авторе:

Пискарева Яна Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); 7yana7@mail.ru

REFERENCES

Bereznitski, S. V. 2000. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 1, 109–117 (in Russian).

Boldin, V. I. 2001. In Bolotin, D. P., Zabiako, A. P. (eds.). *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii (Traditional Culture of the East of Asia)* 3. Blagoveshchensk: Amur State University, 122–130 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Bogdanov, E. S., Nesterov, S. P. 1999. *Mogil'nik Naifel'd (Nayfeld Burial Ground)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Klyuev, N. A., Ji Byon Mok, Li Sanjun, Boldin, V. I., Gel'man, E. I., Yu Yn Sik, Chwe Inha, Gridasova, I. V., Dorofeeva, N. A., Lyashchevskaya, M. S., Piskareva, Ya. E., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Sleptsov, I. Yu., Yun Hyon Jun, Nam Ho Hyon, Kim Donhun, Chon Yunhi, Stoyakin, M. A. 2018. *Itogi issledovaniy na gorodishche Sinel'nikovo-1 v Rossiyskom Primor'e (Excavation Report on Sinelnikovo-1 Mountain Fortress in the Maritime Province of Russia)*. Daejeon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS: State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian and Korean).

Nesterov, S. P. 2001. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 428–434 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Gel'man, E. I. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 195–214 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Gelman, E. I., Boldin, V. I. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 213–227 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh, Piskareva, Ya. E. 2007. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 5 v Primor'e v 2006 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 5 Burial Ground in Primorye in 2006)*. Vladivostok; Seoul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2005. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 5 v Primor'e v 2003–2004 godakh (Archaeological Studies at Chernyatino 5 Burial Ground in Primorye in 2003–2004)*. Vladivostok; Seoul: Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2008. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 2 v Primor'e v 2007 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 2 Burial Ground in Primorye in 2007)*. Vladivostok; Seoul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2009. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 2 v Primor'e v 2008 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 2 Burial Ground in Primorye in 2008)*. Vladivostok; Seoul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Piskareva, Ya. E. 2014. In Gel'man, E. I., Vostretsov, Yu. E. 2014. *Mul'didistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2017. In *Rossiia i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 4, 171–185 (in Russian).

Piskareva, Ya. E., Dorofeeva, N. A., Gridasova, I. V., Klyuev, N. A., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Sleptsov, I. Yu. 2017. In *Rossiia i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 4, 138–160 (in Russian).

Synmi, Li, Stoyakin, M. A. 2019. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 18 (5), 87–98 (in Russian).

Jung Suk-Bae, Nikitin, Yu. G. 2008. In Brodyansky, D. L. (ed.). *Stoletie velikogo A.P. (k iubileiu Alekseia Pavlovicha Okladnikova) (100th Anniversary of the Great A.P. (Dedicated to the Anniversary of Aleksey Pavlovich Okladnikov))*. Series: Tikhookeanskaia arkheologiya (Pacific Archaeology) 16. Vladivostok: Far Eastern University, 227–265 (in Russian).

Briick, J. 1999. In *European Journal of Archaeology* (2) 313–344 (in English).

Douglas, M. 2002. *Natural symbols. Explorations in cosmology*. London; New York: Taylor & Francis e-Library (in English).

Gazin-Schwartz, A. 2001. In *International Journal of Historical Archaeology*, Vol. 5, No. 4, December. 263–280 (in English).

Manning, C. M. 2014a. In *Historical Archaeology*, 48(3). 1–9 (in English).

Manning, C. M. 2014b. In *Historical Archaeology*, 48(3). 52–83 (in English).

Renfrew, C. 1994. In Renfrew, C., and Zubrow, E. (eds.). *The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 47–54 (in English).

Renfrew C., Bahn P. 2000. *Archaeology: Theories, Methods and Practice*. 3rd edn. London: Thames and Hudson.

About the Author:

Piskareva Yana E. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; 7yana7@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.